

146 В. В. Назаревскій.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Выпускъ IX.

Съ 37 рисунками.

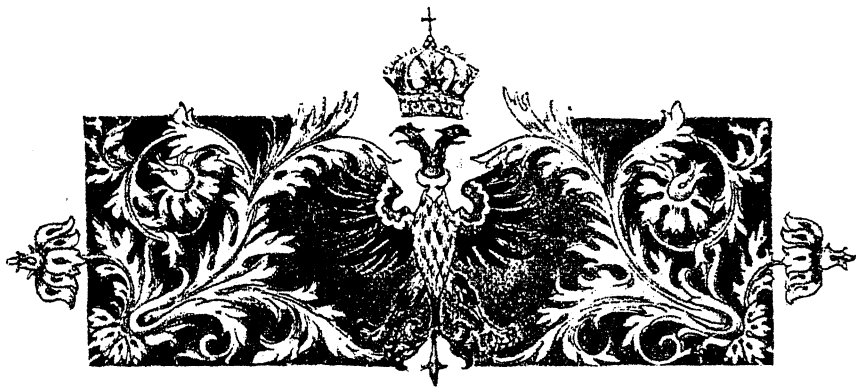
Чтеніе для московскихъ фабрично-
заводскихъ рабочихъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1909.

Императоръ Павелъ I.
Съ гелиографуры В. К. Георгія Михайловича.

I.

Царствованіе императора Павла I и его законодательство.—Законъ о престолонаслѣдіи и особахъ царствующаго дома. Императрица Марія Ѳеодоровна.—Перемены въ административныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II.—Ограниченіе крѣпостного права.—Мѣропріятія относительно просвѣщенія, духовенства и войска.—Первоначальная внѣшняя политика Павла I, воздержаніе его отъ войнъ и отношеніе къ Французской республикѣ въ пору директоріи и консульства Наполеона. Причины вступленія Павла I въ коалицію противъ Франціи.

Продолжавшееся четыре года (1796 — 1801) царствованіе императора Павла I, по самой уже своей недолговременности, не могло имѣть очень большого значенія, какъ во внутренней нашей жизни, такъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. Значеніе это умалялось еще тѣмъ, что верховное управленіе въ это время въ своемъ направленіи опредѣлялось не столько развитіемъ того, что сдѣлано было въ предшествующее царствованіе, сколько стремленіемъ передѣлать недавно созданное, что условливалось, при различіи возрѣвній царствовавшихъ лицъ, не чуждыми трагизма отношеніями между Екатериной II и сыномъ ея Павломъ I.

Съ отстраненіемъ Петра III отъ престола и переходомъ его, вмѣсто сына Павла, къ его матери Екатеринѣ, зародился разладъ между ними. Императрицѣ казалось, что сынъ, по мѣрѣ его развитія, чувствуетъ несправедливость этого и ждетъ ея прекращенія, почему его далеко держали отъ двора и дѣлъ правленія; а у самого Павла была тяжелая мысль, что его хотятъ устранить отъ престола въ пользу его сына, великаго князя Александра Павловича, воспиты-

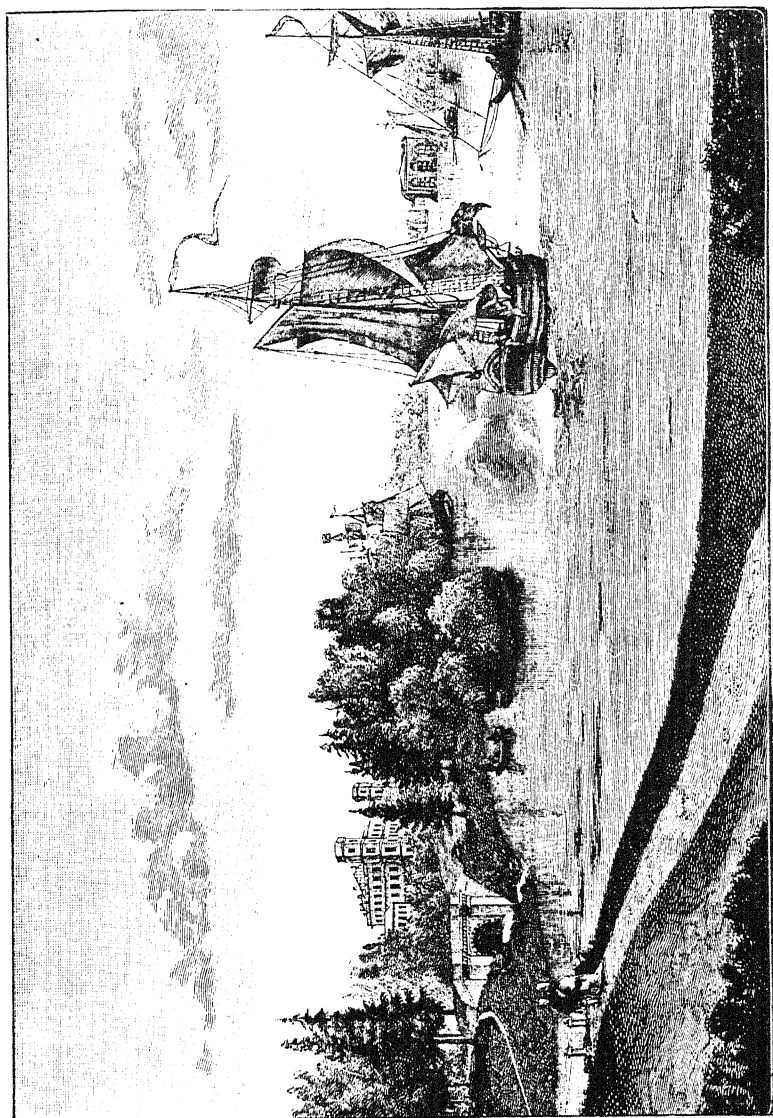
вавшего подъ исключительнымъ вліяніемъ бабушки. Вотъ почему преемникъ Екатерины II склоненъ былъ преувеличивать недостатки ея правленія и готовъ былъ итти въ иную сторону. Но самая высота царственнаго положенія и добрые задатки въ характерѣ Павла I, и при многихъ ненормальныхъ, отрицательныхъ явленіяхъ этого времени, сказались, однако, дѣлами положительнаго значенія.

Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ 42 лѣтъ отъ роду. Императоръ имѣлъ высокое понятіе о своей самодержавной власти и стремился, подобно Петру I, поставить ее, какъ можно, ближе къ дѣламъ управленія, желая руководить ими своею собственною рукою непо-

средственно. Любя особенно военное дѣло, онъ много посвящалъ ему времени, лично обучая войско, которое преобразовалъ по прусскому образцу, по уставу Фридриха II; онъ даже объявлялъ себя генералъ-адмираломъ флота; прилежно занимался самъ дѣлами иностранной политики и входилъ близко и во внутреннее управленіе, не оставляя безъ вниманія и церковныя дѣла, въ коихъ, чего не было прежде, приписывалъ себѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ главенство. Но недовѣрчивость къ людямъ, до излишества, до мелочей, слишкомъ затягивала его въ дѣла, особенно военныя, что не было ему подъ силу, какъ мощному его прадѣду Петру I.

Въ виду значительной общей распушенности въ предшествующее правленіе, а въ особенности вслѣдствіе опасеній предъ революціонными вліяніями Франціи, самыя условія тогдашней жизни побуждали Павла I всюду вводить строгую дисциплину и безпрекословное повиновеніе. Но, не имѣя ни силы характера, ни проницательности своего прадѣда, онъ предавался очень часто и несправедливо раздраженію и гнѣву, прибѣгая къ чрезмѣрнымъ наказаніямъ и быстро поражалъ опалами не только своихъ сановниковъ, но и членовъ своей семьи. Несмотря на весь контрастъ та-

Гатчинскій дворець
времѣ Павла I.

кого режима съ мягкимъ правленіемъ матери его Екатерины II, суровость новаго правленія, за исключеніемъ узкихъ придворныхъ сферъ, не встрѣчала себѣ какого-либо активнаго противодѣйствія въ болѣе широкихъ кругахъ общественныхъ, а о народѣ и говорить нечего. Даже для подозрительнаго взгляда должно бы быть яснымъ, что въ Россіи, даже и въ ея оторванныхъ отъ народа слояхъ духъ революціоннаго якобинства не можетъ имѣть сколько-нибудь значительнаго успѣха. Самъ Павелъ I, какъ скоро остывалъ его гнѣвъ или для него раскрывалась несправедливость его наказаній, спѣшилъ, въ благородныхъ и великодушныхъ порывахъ, загладить милостями сдѣланную несправедливость или смягчить чрезмѣрную суровость. Громадное же большинство русскихъ людей, всѣхъ классовъ и ступеней образованія, не были склонны изъ-за преходящихъ несправедливостей и временной раздражительности не только подниматься противъ принципа власти, но и противъ временныхъ ея носителей. Даже такія выдающіяся лица, какъ нашъ великій Суворовъ, терпѣливо и благодушно переносили постигавшія ихъ несправедливости (Суворовъ при этомъ говорилъ: „да будетъ воля Твоя, Господи!“). Конечно, и въ то время были исключенія... Но болѣе заслуживаютъ порицанія не тѣ малочисленные люди начала XIX столѣтія, которые, не ограничиваясь естественными неудовольствіями, слишкомъ истерично относились къ печальнымъ явленіямъ этого недолгаго царствованія, а тѣ историки начала XX вѣка, которые сквозъ чужія, западныя очки все еще смотрятъ на нашу историческую жизнь, не въ силахъ разгадать ея русскую правду и поэтому слишкомъ ужъ много копаются въ отрицательныхъ, тѣневыхъ, мимолетныхъ явленіяхъ того времени. Мы не станемъ заниматься ими, а перейдемъ къ наиболѣе выдающимся фактамъ царствованія Павла I.

5 апрѣля 1797 года, въ первый день Свѣтлаго праздника, совершилось въ Москвѣ коронованіе императора. Оно отличалось тѣмъ, что Павелъ I при этомъ священнодѣйствіи возложилъ на себя, кромѣ другихъ императорскихъ регалій, еще и византійскій царскій далматикъ и короновалъ императрицу-супругу Марію Ѳеодоровну. По совершеніи коронованія, стоя на возвышеніи въ Успенскомъ соборѣ, императоръ прочиталъ изготовленный имъ, важнѣйшій основной законъ имперіи — актъ о престолонаслѣдіи, отмѣнявшій законъ по этому предмету Петра I и устанавливавшій наслѣдованіе, какъ было въ допетровской Руси, по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, по началу первородства. По прочтеніи этого закона государь царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ на св. престолъ

П а в е л ъ I.
Съ портрета *Боровиковскаго*.

въ приготовленный серебряный ковчегъ и повелѣлъ его хранить тамъ на всѣ будущія времена. Въ тотъ же день были изданы еще три важныхъ узаконенія: учрежденіе объ императорской фамиліи, установленіе о російскихъ императорскихъ орденахъ и манифестъ, ограничивавшій крѣпостное право.

Императоръ, отмѣняя порядокъ произвольнаго назначенія наследника престола волею царствующаго государя и замѣняя его законнымъ и неизмѣннымъ, стремился къ тому, чтобы государство никогда не было безъ наследника, дабы наследникъ назначался всегда самымъ закономъ, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наследовать, что, по смерти Петра I. породило у насъ, какъ извѣстно, столько смутъ, до вмѣшательства иностранныхъ державъ въ такія важнѣйшія государственныя дѣла, какъ переходъ престола отъ одного лица къ другому.

Престолонаслѣдіе устанавливалось въ порядкѣ старшинства въ мужскомъ колѣнѣ до послѣдняго его отпрыска; до его смерти престолъ не могъ перейти въ женское колѣно. Лица императорской фамиліи были подданными своего государя, но имѣли преимущества своего высокаго происхожденія. На ихъ содержаніе была отведена часть населенныхъ крестьянами земель, которыя названы были удѣльными.

Одновременно обнародованъ былъ и манифестъ о крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, въ коемъ говорилось:

„Законъ Божій, въ десятословіи намъ преподанный, поучаетъ насъ седьмой день посвящать Богу; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный и въ который мы удостоились воспріять священное миропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остающіеся въ недѣлю шесть днѣй, по равному числу оныхъ раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ, при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ потребностямъ“. Это было немаловажнымъ актомъ начинавшагося ограниченія крѣпостнаго права. Сверхъ того, императоръ Павелъ запретилъ продавать крестьянъ безъ земли.

Впослѣдствіи государственные и удѣльные крестьяне были раздѣлены на волости, не болѣе 3.000 въ каждой; они получили крестьянское самоуправленіе, въ видѣ волостного правленія, которое состояло изъ выборныхъ: волостного головы, старосты и писаря, которые собирали подати, завѣдывали крестьянскими хозяйственными дѣлами волости и судили маловажные проступки крестьянъ.

Въ виду господствовавшего то время въ заграничныхъ школахъ революціоннаго вольномыслія, въ это царствованіе запрещено было отправлять молодыхъ людей за границу; взамѣнъ этого въ Дерптѣ (Юрьевѣ) основанъ былъ, по образцу нѣмецкихъ, университетъ. Запрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ книгъ, и введена была цензура для русскихъ. — Для высшаго образованія духовенства учреждены были духовныя академіи въ Петербургѣ и Казани. Для приготовленія офицеровъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ второй кадетскій корпусъ, получившій имя Павловскаго. Для распространенія женскаго образованія были основаны въ Петербургѣ и Москвѣ институты Екатерининскій и Маріинскій, получившіе такое названіе въ честь двухъ императрицъ; покровительницей ихъ стала супруга государя императрица Марія Ѳеодоровна, одна изъ величайшихъ благотворительницъ, какихъ только знаетъ исторія. Она, по смерти Павла I, создала, развила и укрѣпила въ Россіи цѣлую систему благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, которыя составили у насъ особое вѣдомство, носящее имя Императрицы Марія. Она согрѣвала эти учрежденія искреннею и теплою любовью своей и, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, доставляла имъ обильныя средства; но она вмѣстѣ съ тѣмъ принимала личное дѣятельное участіе въ ихъ жизни. Чрезвычайно заботилась она о брошенныхъ дѣтяхъ, называя ихъ „своими дѣточками“. Сильно увеличила размѣры воспитательныхъ домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, устраивала въ разныхъ частяхъ столицъ пріемныя ясли, куда приносились матерями дѣти, и организовала наборъ кормилицъ для нихъ и раздачу ихъ въ деревни для вскармливанія ихъ крестьянками, за которыми былъ устроенъ, при помощи Воспитательныхъ домовъ, особый надзоръ. Нерѣдко она сама навѣщала больныхъ дѣтей и привозила имъ лакомства, цвѣты, картинки и игрушки. Часто пріѣзжала въ больницы, обходила палаты, участливо осматривая и спрашивая больныхъ, входила въ малѣйшія ихъ нужды и, по словамъ очевидцевъ, являлась для нихъ ангеломъ-утѣшителемъ. Нерѣдко присутствовала она при трудныхъ операціяхъ, ради того, чтобы облегчить страданія подвергавшихся имъ, ободрить и утѣшить ихъ. Нѣкоторые соглашались на операціи подъ тѣмъ только условіемъ,

чтобы царица сама присутствовала при нихъ, и она всегда исполняла ихъ желаніе.

Въ жизни своихъ учебныхъ заведеній она принимала самое близкое участіе, обсуждая ихъ учебные планы, выбирая учебныя для нихъ руководства, просматривая ученическія работы, присутствуя на экзаменахъ, поощряя успѣвавшихъ и помогая имъ въ избраніи дороги по окончаніи ученія.

Марія Ѳеодоровна учредила въ Петербургѣ первое училище для глухонѣмыхъ. Свободная отъ другихъ занятій, она занималась во дворцѣ или рукодѣльемъ, или щипаньемъ корпіи для раненыхъ. Такою глубоко симпатичною памятью о себѣ оставила эта гуманѣйшая государыня.

Павелъ I не мало сдѣлалъ измѣненій въ сословныхъ учрежденіяхъ императрицы Екатерины II.

Такъ относительно дворянства было установлено, чтобы его губернскія должностныя лица болѣе не избирались дворянствомъ, а назначались правительствомъ. Губернскія же дворянскія собранія были отмѣнены и оставлены были только уѣздныя. Дворяне и записанные въ гильдіи купцы стали попрежнему за уголовныя преступленія подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ съ крестьянами.

Императоръ заботливо относился къ православному духовенству: онъ выражалъ желаніе, чтобы священство имѣло болѣе „соотвѣтственные важности сана своего образъ и состояніе“, вслѣдствіе чего принимались въ это царствованіе мѣры къ улучшенію быта бѣлаго духовенства, и духовнымъ лицамъ давались орденскія награды, и вновь учрежденъ для нихъ наградный наперсный крестъ.

Старообрядцамъ, по мысли бывшаго законоучителемъ государя митрополита Платона, дозволялось, при условіи ихъ подчиненія церковной православной власти, имѣть свои храмы и священниковъ и отправлять церковныя службы по старопечатнымъ книгамъ на началахъ такъ называемаго единовѣрія (священники для единовѣрцевъ рукополагались православными епископами).

Начавшееся сліяніе съ имперіей западныхъ окраинъ, присоединенныхъ отъ Польши и Швеціи, было на нѣкоторое время отсрочено возстановленіемъ ихъ прежняго устройства. Такъ, въ западно-русскихъ областяхъ возстановлено было дѣйствіе Литовскаго статута и были введены нѣкоторыя польскія учрежденія (высшій судебный трибуналъ, городскіе суды и друг.). По вступленіи на престолъ Павелъ Петровичъ освободилъ изъ заключенія Костюшко и даже назначилъ ему пожизненную пенсію. Въ Прибалтійскомъ краѣ было

Императрица Марія Теодоровна.
Съ гатчинскаго портрета.

отмѣнено Екатерининское учрежденіе 1775 года о губерніяхъ, и возстановлено дѣйствіе шведско-нѣмецкихъ законовъ.

Новый императоръ обратилъ вниманіе на печальное положеніе въ Россіи финансовъ. Въ концѣ царствованія его матери, во время второй турецкой войны, были три года подъ рядъ сильные неурожаи въ Малороссіи и Бѣлороссіи, и приходилось покупать для нашей арміи много хлѣба въ Польшѣ, почему много звонкой монеты уходило за границу, а правительство вынуждалось дѣлать новые выпуски ассигнацій и даже прибѣгнуть къ первому заграничному займу (въ 44 милліона рублей). Отъ этого наши ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ. Для поднятія ихъ курса Павелъ I, въ началѣ своего царствованія, приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи на 6.000.000 ассигнацій и пріостановилъ дальнѣйшій ихъ выпускъ.

Особенное вниманіе обращалъ императоръ на войско и произвелъ въ этой области не мало перемѣнъ, шедшихъ также въ разрьзъ съ Екатерининскимъ временемъ.

Будучи наслѣдникомъ престола и живя въ основанной имъ Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ получилъ дозволеніе имѣть подъ своимъ начальствомъ отрядъ войска. Любя его, онъ много занимался обученіемъ своихъ гатчинцевъ, но военному дѣлу придалъ другой характеръ, въ сравненіи съ тѣми порядками, какіе были приняты въ екатерининскихъ войскахъ. Ему не нравилось, что въ нихъ было мало правильной организаціи и слишкомъ много давалось мѣста импровизаціи полководцевъ; необходимую же въ военномъ дѣлѣ постоянную дисциплину большею частью замѣняло одушевленіе. Но, какъ и отецъ его Петръ III, онъ былъ поклонникомъ прусской военной системы и Фридриха II, съ которымъ познакомился лично въ свое путешествіе за границей. По его убѣжденіямъ, войско должно быть, при помощи дисциплины и выучки, обращено въ послушный механизмъ, которымъ могли бы руководить и заурядные полководцы. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ онъ завелъ еще въ своемъ Гатчинскомъ отрядѣ прусскую обмундировку: трехугольныя шляпы, напудренные букли и косы, узкіе мундиры, башмаки и штиблеты; устраивалъ передъ дворцомъ ежедневные вахтъ-парады. Достигнувъ въ дѣлѣ муштры значительныхъ успѣховъ и чрезмѣрно увлекшись ими, онъ по своему воцареніи сталъ вводить и во всей русской арміи всѣ правила тяжелаго прусскаго военного устава. Удобные для движеній мундиры екатерининскаго времени замѣнены были упрямой нѣмецкой аммуниціей; находчивость (суворовскіе глазомѣры, быстрота и натискъ) не цѣнились болѣе, и имъ предпочиталась

внѣшняя выправка, стоившая огромнаго труда. Это вызывало не мало недовольства. Самъ фельдмаршалъ Суворовъ не скрывалъ его: „Мы били пруссаковъ, нечему намъ у нихъ учиться... Булки—не пушки, пудра—не порохъ, коса—не тесакъ, я—русскій, а не пруссакъ“, говорилъ прямой и рѣзкій старикъ. Не ограничиваясь только критикой, онъ впадалъ иногда даже и въ противодѣйствіе, хотя только пассивное, и за это поплатился не только отставкой, но и опалой: ему повелѣно было жить въ своей деревнѣ Кончанской (Новгородской губерніи) подъ особымъ надзоромъ... Таковы были наиболѣе характерныя явленія этого правленія.

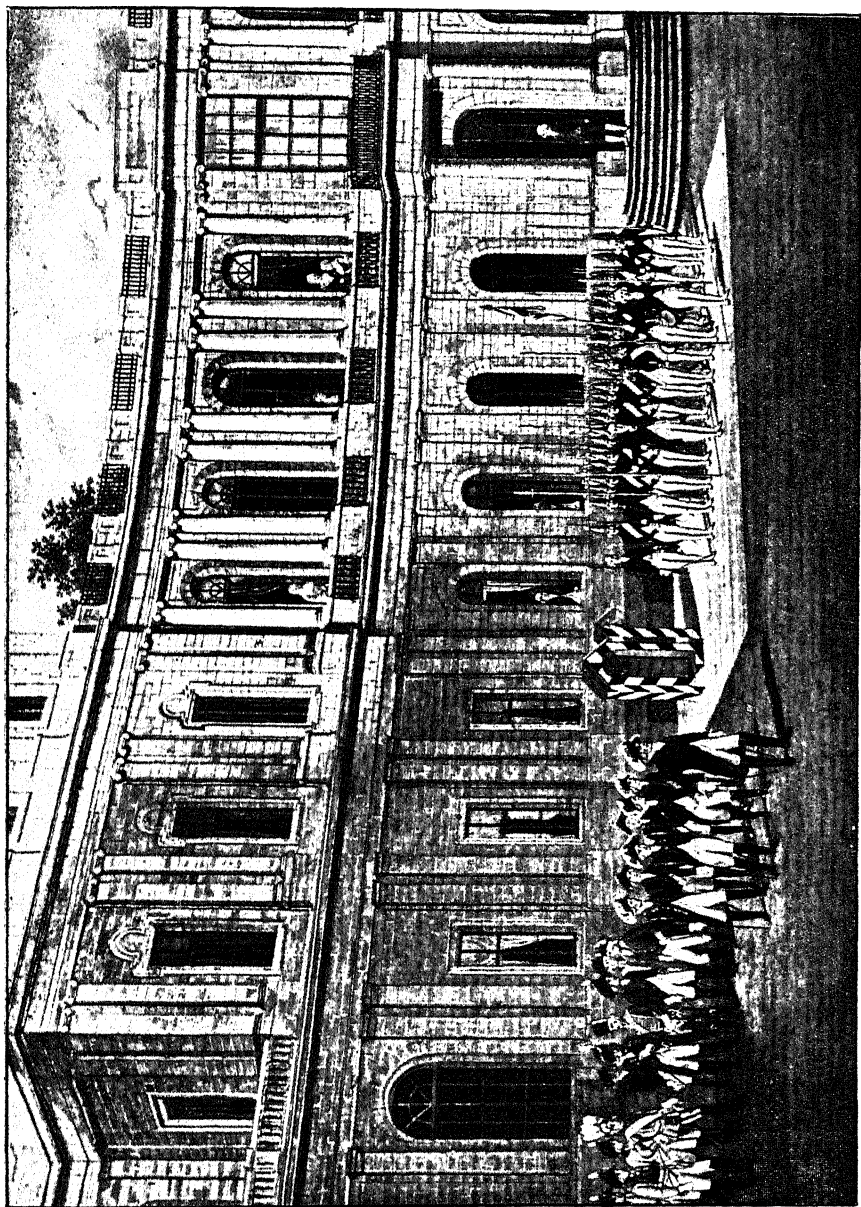
По вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ прекратилъ начатую его матерью войну съ Персіей и остановилъ всѣ уже сдѣланныя екатерининскія приготовленія къ войнѣ съ Французской республикой, въ союзъ съ Англіей, Австріей и Пруссіей. При этомъ европейскимъ державамъ было объявлено, что Россія, будучи въ непрерывныхъ войнахъ съ 1756 года, есть единственная въ свѣтѣ держава, которая 40 лѣтъ истощала свое народонаселеніе. „Желая дать своимъ подданнымъ пренужное и желаемое ими отдохновеніе послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній“, императоръ объявилъ, однако, что хотя русскіе войско не будетъ дѣйствовать теперь противъ Франціи, но онъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ прежними союзниками и „чувствуетъ нужду противиться всѣмъ мѣрамъ неистовой Французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ законовъ, правъ, имущества и благонравія“.

Скоро, однако, онъ отказался отъ своего невмѣшательства въ международныя отношенія и въ недолгое свое царствованіе то велъ войну съ Франціей, то готовился къ грандіозной войнѣ, вступивъ въ союзъ съ первымъ консуломъ Французской республики Бонапартомъ противъ тогдашнихъ своихъ союзниковъ.

Французская республика въ это время пережила двѣ фазы своего управленія: директорію и начало консульства Наполеона.

Теперь во Франціи не было уже якобинскаго террора; но военныя успѣхи ея, благодаря побѣдамъ Наполеона Бонапарта, продолжались и давали ей возможность въ завоеванныхъ странахъ уничтожать монархическое правленіе и замѣнять его республиканскимъ по французскому образцу.

Главные удары сыпались на Германо-римскую имперію: у австрійцевъ отняты были французами Ломбардія, обращенная въ Цизальпинскую республику, и Бельгія, присоединенная къ Франціи. Изъ Гол-

П а р а д ъ в ъ Г' а т ч и н ѣ.
Съ дворцовой акварели.

ландіи былъ изгнанъ штатгальтерскій Оранскій домъ, и она сдѣлана была Батавскою республикой. Занять былъ Римъ, и взятъ въ плѣнъ папа Пій VI и отосланъ во Францію, а въ вѣчномъ городѣ учреждена была Римская республика. Въ Швейцаріи было введено взамѣнъ прежняго новое французское республиканское устройство,

Наполеонъ въ пору консульства.

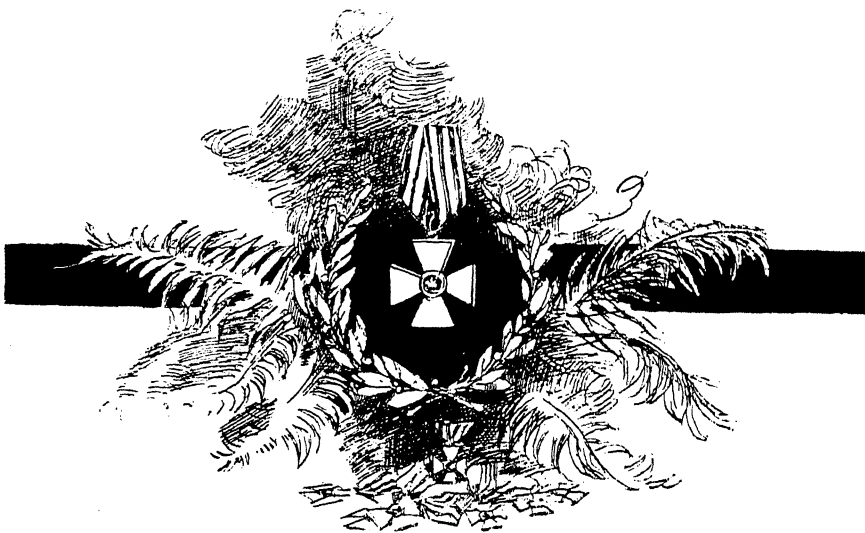
и она получила названіе Гельветической республики. Изъ Неаполитанскаго королевства изгнаны были Бурбоны, и здѣсь монархію замѣнила Партенопейская республика. Сардинское королевство сдѣлано было провинціей Французской республики. Казалось, разливу по Европѣ новаго французскаго республиканства не видѣлось конца, что было угрозой для всѣхъ монархій и что укрѣпляло императора Павла во враждебныхъ его отношеніяхъ къ Франціи. Онъ далъ убѣжище въ

Митавѣ брату Людовика XVI, Людовіку XVIII, какъ королю Франціи, и назначилъ ему денежное содержаніе; разрѣшилъ также размѣститься въ Волыни и Подоліи 7.000 французскимъ эмигрантамъ, которые образовали подъ команду принца Конде особый корпусъ. Это было, собственно, открытымъ вызовомъ Французской республикѣ на войну.

И Франція, съ своей стороны, не скрывала враждебныхъ отношеній къ Россіи. Она дала пріютъ удалившимся послѣ третьяго раздѣла Польши польскимъ эмигрантамъ, которые съ помощью директоріи замыслили возстановить свое государство. Наполеонъ не постѣснился захватить островъ Мальту, отданный еще императоромъ Карломъ V во владѣніе рыцарскому ордену Іоаннитовъ (основанъ былъ въ эпоху крестовыхъ походовъ въ Святой Землѣ, по ея завоєваніи удалился сперва на островъ Кипръ, а потомъ на Родосъ), невзирая на то, что мальтійскіе рыцари только—что избрали императора Павла своимъ гротмейстеромъ или великимъ магистромъ (въ XVIII вѣкѣ знатные и богатые дворяне Западной Европы считали большою честью записываться въ этотъ орденъ и пріобрѣтали ему сторонниковъ по всей Европѣ). Мало того, Наполеонъ при занятіи Іоническихъ острововъ арестовалъ русскаго генеральнаго консула; наконецъ стали распространяться въ Европѣ слухи, будто Наполеонъ думаетъ напасть на наше сѣверное побережье Чернаго моря.

Эти обстоятельства и побудили императора Павла примкнуть къ коалиціи противъ Франціи, составившейся изъ Англіи, Австріи, Неаполя и Турціи. Душою же этого союза была первая, замышлявшая обезсилить республиканскую Францію также, какъ она обезсилила ее въ монархическое время при помощи тайной поддержки революціоннаго движенія при Людовикѣ XVI. Англія, претендующая на мировое вліяніе, уже предвидѣла помѣху для него въ возраставшей славѣ Наполеона.

II.

Павелъ I, по просьбѣ императора Германскаго, назначаетъ главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ въ Италиі Суворова. — Отъѣздъ его изъ села Кончанскаго къ дѣйствующей арміи. — Итальянскій походъ Суворова: Алда, Требия и Нови. — Устройство австрійцами западни для Суворова въ Швейцаріи. — Альпійскій его походъ. — Битвы на Сень-Готардѣ и у Чортова моста. — Переходъ черезъ Роттокъ и Мутенская долина. — Перевалъ чрезъ Паниксерь. — Непримиимый гибель Павла I на своихъ союзниковъ—австрійцевъ и англичанъ. — Походъ на Индію. — Смерть Суворова и Павла I.

По соглашенію съ главными участниками коалиціи—Австріей и Англіей, Россія взялась дѣйствовать противъ Французской республики на четырехъ театрахъ: на Средиземномъ морѣ и въ южной Италиі (съ Неаполитанскимъ королемъ), въ Сѣверной Италиі и Швейцаріи (совмѣстно съ австрійцами) и, наконецъ, въ Голландіи (вмѣстѣ съ англичанами).

Такимъ образомъ Россія явилась болѣе дѣятельною участницею союза, хотя менѣе, чѣмъ Англія и Германія, была затронута Франціей въ своихъ практическихъ національно-государственныхъ интересахъ.

Россія не извлекла изъ участія въ этой коалиціи практической пользы, кромѣ развѣ познанія, какъ намъ опасно довѣряться западно-европейскимъ союзникамъ, но зато она проявила великую военную мощь свою, какъ въ войскахъ, такъ и въ военачальствѣ,

свидѣтельствующую, что военныя преданія эпохи Петра I, Елизаветы и Екатерины II не умерли въ нашемъ войскѣ при Павлѣ I. Подвиги же Суворова и его чудо-богатырей, являясь чѣмъ-то эпическимъ, чѣмъ-то сказочнымъ, показали удивленному міру, какія могучія силы скрываются въ тайникахъ русскаго народнаго духа.

Суворовъ въ эту пору жилъ въ своемъ имѣніи Кончанскомъ (Новгородской губ.), благодушно перенося опалу государя. Въ періодъ ея тяжести онъ находилъ утѣшеніе въ религіи, часто присутствуя на богослуженіи въ сельской церкви, гдѣ всегда горячо молился, по временамъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостола, а иногда звонилъ на колокольнѣ. У него даже явилась было мысль кончить жизнь свою въ иночествѣ, и онъ просилъ императора дозволить ему поступить въ Нилову Новгородскую пустынь, но не получилъ на это отвѣта. Добрый помѣщикъ, глубоко сроднившійся въ самомъ образѣ жизни съ народомъ, Суворовъ много заботъ посвящалъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, входилъ въ ихъ нужды и особенно любилъ устраивать ихъ свадьбы.

Портретъ А. В. Суворова
въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго дворца.

Скоро опала была ослаблена и государь пригласилъ Суворова въ Петербургъ, но старикъ, недовольный новыми порядками, выпросился опять въ деревню; онъ сталъ зорче слѣдить за политическими дѣлами,

а особенно за успѣхами Наполеона, съ которымъ, очевидно, хотѣлось перевѣдаться нашему русскому геніальному полководцу. „О, далеко шагаетъ мальчикъ! Пора унять его“, говаривалъ старый фельд-

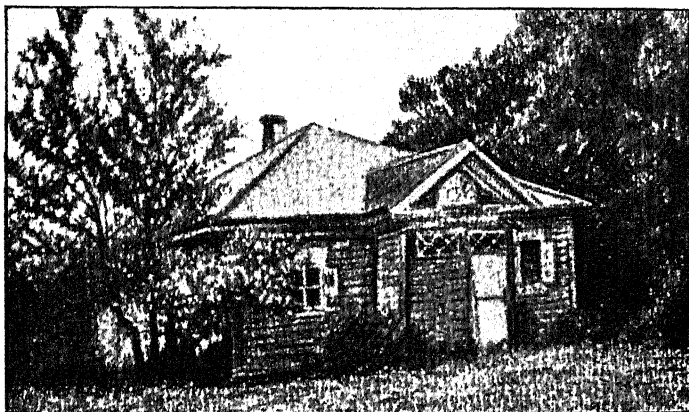
Храмъ въ селѣ Кончанскомъ.

маршалъ. Невозможно, конечно, предсказать, какой исходъ имѣло бы столкновение этихъ двухъ великихъ геніевъ, но никакого нѣтъ сомнѣнія, что оно дало бы совсѣмъ другое направленіе событіямъ всемірной исторіи, въ сравненіи съ тѣмъ, какое мы видимъ въ дѣйствительности.

Въ началѣ 1799 года, по соглашенію съ союзниками, 320 тысячъ австро-русской арміи должны были двинуться противъ французовъ въ Сѣверную Италію, чтобы оттуда итти на самую Францію. Англія съ Австріей настояли, чтобы во главѣ этой арміи былъ поставленъ нашъ Суворовъ. Императоръ Францъ въ письмѣ своемъ просилъ Павла Петровича о назначеніи главнокомандующимъ этой арміей „знаменитаго мужествомъ и подвигами Суворова“.

Русское войско по этому поводу сложило слѣдующую пѣсню:

Какъ у насъ было, на Святой Руси,
У коренныхъ было у русскихъ,
Пронеслась вѣсть—намъ, солдатушкамъ,
Вѣсть радостная—во походъ итти.
Пишетъ цесарскій царь, пишетъ, просить

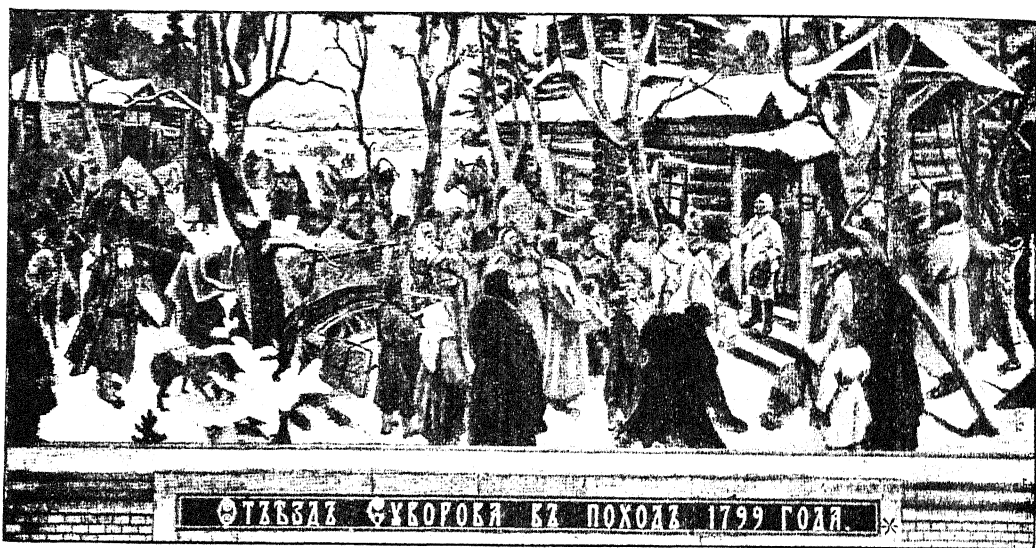
Полудомикъ Суворова въ Кончанскомъ.

Нашего царя-батюшку:
„Ой ты гоѣ еси, православный царь,
Славянскій царь всея Руси!
Помоги ты мнѣ, царю, царю бѣдному,
Царю римскому, нѣмецкому.
Разорили меня, погубили меня
Французишки безбожные.
Бьютъ напропалую мои войска цесарскія.
Нѣтъ у насъ генерала славнаго.
Помоги ты мнѣ, русскій царь-батюшка,
Сохранить мое царство бѣдное;
Ты пришли-ка, пришли, православный царь,
Свои войска богатырскія.
Ты пришли-ка, мой отецъ родной,
И своего Суворова, графа Рымницкаго.
До вѣку вѣчнаго не забудеть тебя
Мое царство бѣдное...

6 февраля въ село Кончанское привезенъ былъ рескриптъ государя, вызывавшій Суворова въ Петербургъ и оканчивавшійся словами: „Долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но и отъ лица другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну“.

Какъ пробудившійся орелъ, встрепенулся Суворовъ, долго думавшій о борьбѣ съ республиканцами Франціи, „съ этими карманьолями, безбожными и вѣтреными французишками, своего короля нагло до смерти убившими“.

Сборы были недолги. Суворовъ письменно распорядился: „часть собираться, другой отправляться. Ёду съ четырьмя товарищами. Приготовить 18 лошадей. Денегъ на дорогу взять 250 руб. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Оомкѣ, чтобы такую сумму повѣрилъ; *иду не на шутку*, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ёду пѣть Марсомъ“.

Мозаика въ Петербургскомъ Суворовскомъ музеѣ.

Суворовъ, по-православному, стоя на колѣняхъ, выслушалъ въ приходской своей церкви напутственный молебенъ, простился съ своими крестьянами, поднесшими ему икону, и быстро усаkali въ Петербургъ, гдѣ былъ принять чрезвычайно милостиво государемъ. Павелъ Петровичъ возложилъ на него большой мальтійскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго. Стоявшій при этомъ на колѣняхъ великій фельдмаршалъ сказалъ: „Боже, спаси царя!“ Великодушный императоръ отвѣтилъ: „Тебѣ спасать царей!“ и крѣпко обнялъ и поцѣловалъ старца. Петербургское населеніе патріотически напутствовало всенароднаго любимца.

На пути онъ посѣтилъ въ Митавѣ брата Людовика XVI, котораго, подъ именемъ Людовика XVIII, признавали уже королемъ Франціи. Выйдя къ Суворову, онъ сказалъ: „Шага ваша, господинъ

фельдмаршалъ, есть орудіе, которымъ Провидѣніе караетъ враговъ монарховъ“. — „Надѣюсь, государь, — отвѣчалъ тотъ, — потратить не слишкомъ много пороку на изгнаніе республиканцевъ изъ Италіи и прошу ваше величество позволить мнѣ назначить вамъ свиданіе въ будущемъ году во Франціи. (Но это свиданіе русскихъ войскъ съ Людовикомъ XVIII состоялось въ Парижѣ лишь въ слѣдующее царствованіе, въ 1814 году.) Во всякомъ случаѣ полагаю надежду мою на святителя Николая и покровительство Божіе“...

Прибывъ въ Вѣну, гдѣ онъ былъ назначенъ фельдмаршаломъ и австрійскихъ войскъ, онъ проницательнымъ взглядомъ своимъ сразу разгадалъ всю фальшь австрійскихъ отношеній къ Россіи и къ нему въ особенности.

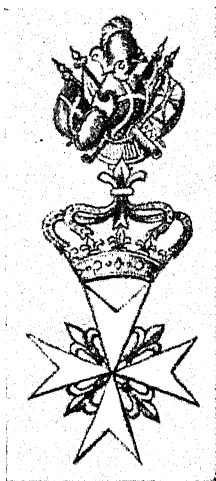
„Полная мочь избранному полководцу“, говаривалъ Суворовъ. „Веди войну по-своему, какъ умѣешь“, говорилъ ему, отпуская его въ

Десница Іоанна Крестителя.
Святѣня мальтійцевъ.
Большая церковь Зимняго дворца.

походъ русскій императоръ, а въ Вѣнѣ хотѣли ему навязать всяческія ограниченія его власти. Императоръ Францъ вручилъ ему инструкцію, отдѣливъ отъ него хозяйственную часть арміи, порученію генералу Меласу, и требуя, чтобы Суворовъ испрашивалъ разрѣшеніе отъ придворнаго военнаго совѣта, во главѣ котораго стоялъ министръ Тугутъ, не знавшій военнаго дѣла, на всѣ предпріятія, которыя онъ захотѣлъ бы начать. Русскій фельдмаршалъ энергически протестовалъ противъ этихъ австрійскихъ ограниченій,

и, когда въ Вѣнѣ навязывали ему свои планы компаніи, сказалъ: „Я начну ее переходомъ чрезъ рѣку Адду, а окончу, гдѣ Богу будетъ угодно“, и перечеркнулъ предложенный ему планъ, а на требованія опредѣлить свой планъ подалъ чистый листъ бумаги, говоря, что его дѣйствія будутъ зависѣть отъ условій мѣста, времени и личнаго усмотрѣнія.

Мальтійскій орденъ
А. В. Суворова.

3 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Италію въ главную квартиру своей арміи въ городъ Верону и въ тотъ же день принималъ начальниковъ отдѣльных частей. Съ особою теплотою отнесся онъ къ молодому генералу Милорадовичу, котораго зналъ еще ребенкомъ. Еще задушевно встрѣтилъ онъ своего давняго сподвижника князя Багратіона. При его имени Суворовъ, стоявшій все время зажмурившись, встрепенулся, обнялъ „князя Петра“, какъ прежде называлъ его, поцѣловалъ его въ лобъ, глаза и губы. „Господь съ тобою“, сказалъ онъ, отпуская Багратіона, до слезъ тронутаго такой задушевною привѣтливостью великаго героя.

Въ полтора мѣсяца, рядомъ блестящихъ побѣдъ, онъ, какъ общалъ, вытѣснилъ французовъ изъ сѣверной и средней Италіи, несмотря на то, что Меласъ интриговалъ въ арміи, а Тугутъ — въ Вѣнѣ, и австрійцы повсюду подставляли ему препятствія и помѣхи, и сталъ готовиться къ походу во Францію...

Настроеніе русскаго войска съ прибытіемъ къ нему великаго русскаго вождя поднялось необычайно, и оно не знало усталости и препятствій въ быстрыхъ и трудныхъ движеніяхъ и боевыхъ предпріятіяхъ. Но австрійцы при каждомъ случаѣ поднимали ропотъ.

Суворовъ не скрывалъ своего негодованія по этому поводу. „До моего свѣдѣнія дошли жалобы (австрійскія) на то, что пѣхота промочила ноги,—писалъ онъ Меласу,—за хорошею погодою гоняются только женщины, щеголи и лѣнивцы; большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности... У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назадъ“.

Суворовъ быстро двинулся на рѣку Адду, на которой расположились французы подъ начальствомъ Моро, второго послѣ Наполеона по дарованіямъ генерала директоріи. Въ нѣсколькихъ боевыхъ схваткахъ непріятель былъ разбитъ, и Суворовъ взялъ въ плѣнъ 5 тысячъ французовъ. „Дай вамъ Богъ здоровья,—писалъ изъ Пе-

Раненый Суворовъ.
Съ статуи Суворовскаго музея.

тербурга императоръ Павелъ Суворову: — о многолѣтїи вашемъ опять молился вчера въ церкви, при чемъ были и всѣ иностранные министры“. Въ десять дней вся Ломбардія была занята нашими войсками, и отъ Цизальпинской республики не осталось и слѣда. Въ Свѣтлое воскресенье Суворовъ вступилъ въ столицу Ломбардіи Миланъ. Толпы народа, во главѣ котораго шелъ крестный ходъ съ крестами и хоругвями, восторженно встрѣтили русскихъ. Вождь ихъ сошелъ съ коня, благоговѣнно приложился къ кресту и принялъ благословеніе отъ миланскаго архіепископа.

Быстро отъ миланскихъ иллюминацій и раутовъ Суворовъ поспѣшилъ къ войскамъ, потому что на подкрѣпленіе войскамъ Моро изъ Неаполя уже двинулся другой, тоже талантливый французскій генераль Макдональдъ.

Занявъ столицу Пьемонта Туринъ, Суворовъ, сдѣлавшій походъ въ мѣсяцъ въ 400 верстъ и уже находившійся въ 100 верстахъ отъ границы Франціи, какъ только получилъ извѣстіе, что прибывшій въ среднюю Италію Макдональдъ уже тѣснитъ австрійцевъ, съ быстротой орла полетѣлъ на ихъ выручку. Съ 24-тысячной арміей онъ сдѣлалъ невѣроятно быстрый переходъ навстрѣчу Макдональду и, несмотря на то, что у того было больше войска и что Меласъ замедлилъ привести на помощь намъ австрійскія войска, вступилъ въ бой съ французами на рѣкѣ Требіи, гдѣ Аннибалъ разбилъ римлянъ.

Трехдневный бой на Требіи — это великое проявленіе героизма русскаго войска и военнаго генія ихъ вождя. Даже такіе герои, какъ князь Багратіонъ, устранившись нашей малочисленности, совѣтовали ему подождать подкрѣпленій и повременить нападеніемъ на французовъ. Но Суворовъ говорилъ: „Атакуй, князь Петръ, съ Богомъ. Ура!“ Первыхъ два дня битвы, несмотря на геройскую штыковую работу пѣхоты и несравненныя атаки казаковъ, не дали намъ рѣшительнаго успѣха, благодаря именно преступному бездѣйствию Меласа.

На третій день битвы, 8 іюня, нашимъ войскамъ пришлось пережить нѣсколько часовъ крайне критическихъ. Изнуренные невыносимой жарой, борьбой съ неравными силами и тяжелой обстановкой предшествующихъ дней, русскія войска Розенберга, Багратіона и Швейковского еле держатся. Розенбергъ подѣзжаетъ къ Суворову, лежащему въ одной рубашкѣ въ тѣни большого камня, и совѣтуетъ ему начать отступленіе. „Попробуйте поднять этотъ камень, — отвѣчаетъ ему старикъ. — Ага! Не можете? Ну, такъ и русскіе не могутъ

Битва на Ахдъ.
Съ современной картины.

отступать“. Подъѣзжаетъ къ фельдмаршалу и любимецъ его, князь Петръ, и печально докладываетъ, что войска утомлены до крайности, потеряли уже половину своихъ рядовъ, что ружья отъ пороховой накипи плохо стрѣляютъ. „Плохо, князь Петръ“, говоритъ Суворовъ, но быстро садится на коня и вскачь мчится къ войскамъ. Онъ подъѣхалъ къ нимъ, когда солдаты Швейковского уже дрогнули, но, увидѣвъ своего полководца, остановились. Носясь среди нихъ, Суворовъ кричитъ: „Заманивай! Шибче, шибче заманивай! Бѣгомъ маршъ!“ Успокоенные они двинулись быстро, но вдругъ онъ командуетъ: „Стой!“ Скрытая до сихъ поръ батарея брызнула въ лицо французамъ картечью и ядрами. Фельдмаршалъ повернулъ войска и самъ повелъ ихъ въ новую уже успѣшную атаку.

Отсюда онъ мчится къ войскамъ Баграціона. Едва люди увидали стараго фельдмаршала своего, какъ все преобразилось: ружья начали стрѣлять, затрещалъ бѣглый огонь, забили барабаны, откуда только взялись силы у людей. Новая атака русскихъ произведена съ такою стремительностью, что французы сочли эти войска за свѣжія, вновь прибывшія подкрѣпленія. Въ 6 часовъ вечера французы были отброшены по всей линіи и отступили за рѣку Адду. Это — лучший брильянтъ среди побѣдъ Суворова. Моро и французскіе генералы удивлялись этой побѣдѣ Суворова. Самъ Макдональдъ черезъ 8 лѣтъ на блестящемъ балу уже не консула, а императора Наполеона, послѣ смерти Суворова, сказалъ русскому послу: „Не видать бы всего этого Тюльерійскому дворцу, если бы въ Россіи нашелся второй Суворовъ“. Современные прусскіе писатели ставятъ Суворова за его побѣду при Требій выше Наполеона. Императоръ Павелъ, посылая побѣдителю свой осыпанный брильянтами портретъ, писалъ въ своемъ рескриптѣ: „Жалуемая награда должна изъяснить всѣмъ и каждому признательность государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, которыя прославляютъ наше царствованіе“. Извлеки большую пользу и изъ этой побѣды, австрійцы проявили поразительную неблагодарность. Въ рескриптѣ Франца фельдмаршалу былъ даже оскорбительный намекъ, что главную причину Суворовскихъ побѣдъ составляло „столь часто испытанное счастье“. Огорченный Суворовъ не оставался въ долгу и говорилъ объ австрійцахъ: „Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка быть битыми; желаютъ, чтобы ежели мнѣ завтра давать баталію, я бы прежде отнесся къ Вѣну...“

При полной бездарности своей, Вѣна проявляла, однако, наглость и властолюбіе и корыстолюбіе. Тамъ были недовольны, что Суворовъ принялъ мѣры, чтобы въ Туринѣ былъ возстановленъ пьемонтскій

А. В. Суворовъ.

король, „такъ какъ,—писалъ императоръ Францъ,—въ занятыхъ территорiяхъ не должно быть другой власти, кромѣ моей“... Запрещались Суворову предпріятія къ освобожденію Рима и Неаполя (гдѣ, однако, русскіе же уничтожили устроенныя французами республики) и не дозволялось говорить о походѣ во Францію, о чемъ думалъ Суворовъ, но чего не хотѣла Австрія, уже возвратившая себѣ свои прежнія владѣнія въ Италіи. Не желавшій вытаскивать изъ огня каштаны для Австріи, Суворовъ крайне волновался и просилъ императора Павла отозвать его изъ Италіи. Но ему суждено было увѣнчаться здѣсь еще новою побѣдою у подошвы Апеннинъ, при Нови.

Директорія отправила въ Италію подкрѣпленія и взамѣнъ Моро назначила главнокомандующимъ своихъ войскъ очень молодого, но даровитаго генерала Жюбера. Онъ только что повѣнчался и, отправляясь на войну, сказалъ своей женѣ, что она увидитъ его или побѣдителемъ или мертвымъ. Суворовъ, уже возведенный импера-

торомъ Павломъ въ княжеское достоинство съ наименованіемъ „Италійскаго“, узнавъ, кого противопоставляютъ ему, сказали: „Нужно проучить этого мальчика“.

Жуберъ занялъ выгодную высокую позицію на склонахъ Апеннинъ, и Суворовъ, когда ему не удалось выманить непріятеля въ долину, атаковалъ его на его грозныхъ высотахъ. Но въ началѣ сраженія былъ убитъ Жуберъ, а замѣнившій его Моро удачно отбивалъ всѣ наши нападенія. Упорство же Суворова, въ связи съ обходнымъ движеніемъ Баграціона въ тылъ французамъ, рѣшило побѣду.

Слава Суворова въ это время во всемъ мірѣ поднялась на необычайную высоту. Государи осыпали его наградами и подарками. Многие предпринимали нарочитыя паломничества въ Италію, чтобы увидѣть непобѣдимаго героя. Всюду продавались его разнообразные, даже фантастическіе портреты.

„Достойному достойное“, писалъ ему Павелъ Петровичъ и отдалъ приказъ, чтобы гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи государя, отдавали ему царскія почести.

Одна Австрія продолжала свои недоброжелательныя отношенія къ величайшему полководцу, которому оставалось итти на Парижъ, и, можетъ-быть, его встрѣча съ Наполеономъ, повторяемъ, дала бы со-всѣмъ другое направленіе исторіи XIX вѣка, а не то, какое опредѣлилось побѣдами знаменитаго вождя французовъ. Однако происки Австріи поворотили Сувороеа вмѣсто запада на сѣверъ, вмѣсто Франціи

Суворовъ на Альпахъ.
(Суворовскій музей).

въ Швейцарію, куда онъ долженъ былъ идти на смѣну эрцъ-герцога Карла и на соединеніе съ русскимъ корпусомъ Римскаго-Корсакова, чтобы биться съ Массеной, а не съ Наполеономъ.

Получивъ приказъ оставить дѣло недоконченнымъ, фельдмаршалъ очутился въ томъ же трагическомъ положеніи, въ какомъ нѣкогда находился Аннибалъ, вызванный изъ Италіи пуническими интриганами, и воскликнулъ: „Иду, но горе тѣмъ, кто меня посылаетъ. Я билъ, но не добилъ французовъ... Злоумышленники раскаются, но поздно!..“ Онъ ясно предугадывалъ трагедію, грозившую со стороны Наполеона не одной Австріи, а всей Европѣ, не исключая и Россіи.

Австрійцы одни остались хозяйничать въ возвращенной имъ Ломбардіи, а русскіе, измѣннически покинутые союзниками, должны были бороться въ Швейцаріи съ французами одни; погибнуть они тамъ съ своимъ Суворовымъ, туда де имъ дорога. Австрія вѣдь получила то, чего желала...

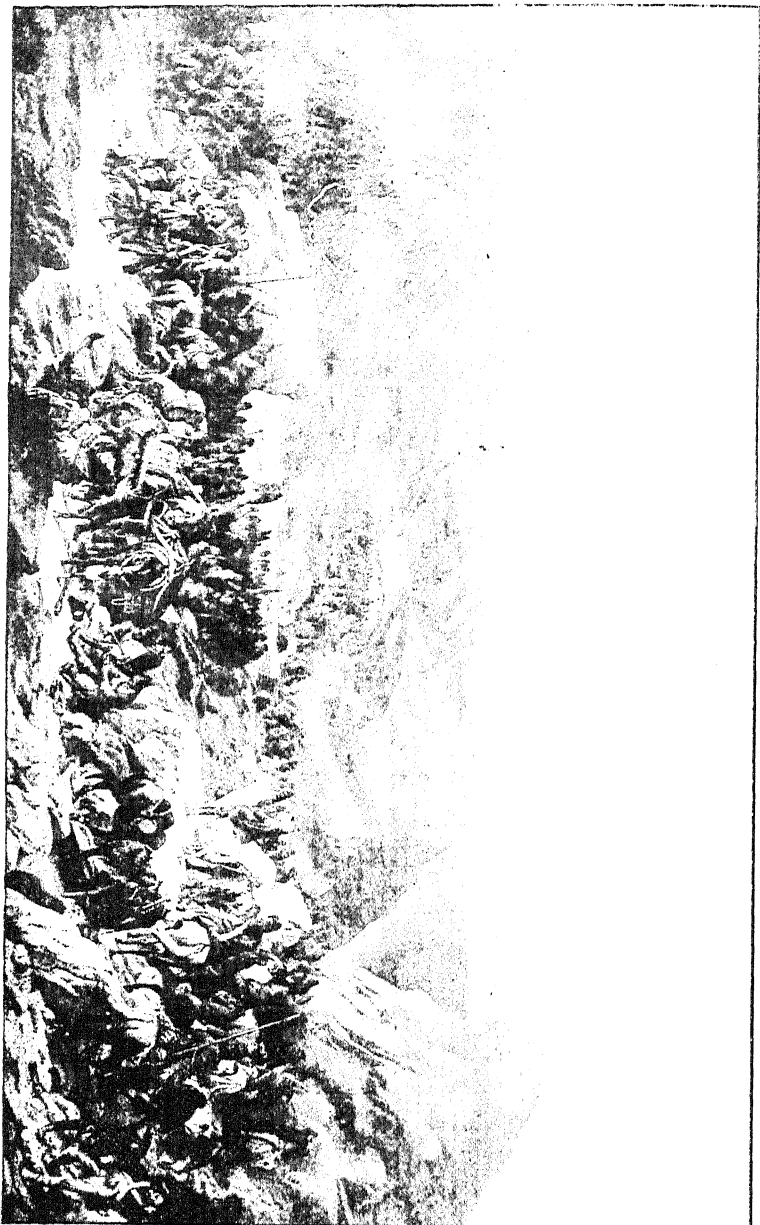
Суворовъ долженъ былъ соединиться въ Швейцаріи съ 24-тысячнымъ корпусомъ Римскаго-Корсакова, который дѣйствовалъ тамъ вмѣстѣ съ австрійскими войсками эрцъ-герцога Карла. Последний обязанъ былъ не покидать Швейцаріи до прибытія Суворова, не оставляя русскихъ предъ 80-тысячною арміей энергическаго генерала Массены. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійцы должны были изготавить для Суворовскаго отряда провіантъ, вьючныхъ лошадей, карты и проводниковъ.

Предвидя гибель русскаго корпуса, Суворовъ писалъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Воронцову: „Массена не будетъ насъ ожидать и устремится на нашего Корсакова. Хотя я не боюсь ничего на свѣтѣ, но скажу: въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска, поздно идущія отсюда“.

Однако и мало вѣроятная надежда поспѣть на выручку русскихъ заставила Суворова двинуться къ мѣсту назначенія съ невѣроятною быстротою. „Одна минута,—говорилъ Суворовъ,—рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ—успѣхъ компаніи. Я дѣйствую не часами, а минутами“.

Въ пять дней прошли войска по сѣверной Италіи къ подножію Альпъ. „Ихъ вершины, покрытыя снѣгомъ и теряющіяся въ облакахъ,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода,—впервые начинавшася для русскихъ въ горной странѣ похода, удивили взоръ нашъ: цѣпь ихъ казалась безконечною“.

Здѣсь оказалось, что австрійцы обманули насъ: ни провіанта ни муловъ не было. „Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей,—пишетъ Суворовъ Растопчину,—а есть Тугутъ и горы и пропасти. Нужно было обо всемъ позаботиться снова и потерять нѣсколько чрезвычайно до-

И а ш и в о й с к а н а С . - Г о т а р д т .
*) Картини находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Съ картины Кюппера *

рогихъ дней“. Подъ вьюки пришлось взять 1500 казачьихъ лошадей. „Такое спасительное средство, — писалъ Суворовъ императору Павлу, — преподаль его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ“, находившійся при нашемъ фельдмаршалѣ.

Въ ужасную погоду, подъ дождемъ и пронзительнымъ вѣтромъ, наши войска двинулись къ высотамъ Сень-Готарда подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, а генералъ Розенбергъ долженъ былъ обойти его высоты. 13 сентября русскіе подошли къ Айроло на Сень-Готардѣ, гдѣ стояли для защиты перевала французы. Не желая терять времени и опасаясь за участь Розенберга, Суворовъ начинаетъ лобовую атаку горныхъ высей. Атаки наши были отбиты, 1200 человекъ выбыло изъ строя, и русская кровь обагрила соседнія скалы и окрасили горные потоки¹⁾.

Страннопріимный домъ на С. - Готардѣ.

Со стороны Италіи позиція на Сень-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась къ крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные протоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился крайне опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали здѣсь отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ, въ которомъ жило нѣсколько монаховъ. Эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полусамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ спасли жизнь. Таковъ былъ

¹⁾ Къ этому моменту относятся характеризующій трудность горной войны легендарный разсказъ о томъ, будто „чудо-богатыри“ Суворова устрашили и не хотѣли штурмовать высоты. Не желая пережить такого срама, фельдмаршалъ будто приказалъ, чтобы устыдить солдатъ, рыть себѣ могилу и сказалъ имъ: „Здѣсь похороните меня: вы болѣе—не дѣти мнѣ, я болѣе—не отецъ вамъ; мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти“; и солдаты пошли на штурмъ... Эта легенда характеризуетъ только отношеніе современниковъ къ тѣмъ невѣроятнымъ, отчаяннымъ трудностямъ, какія приходилось одолавать русскому войску.

путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію. Обходное движеніе князя Багратіона заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако они еще держались, шагъ за шагомъ останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и, наконецъ, поднялись на самую вершину горы. Здѣсь русскимъ войскамъ предстояло одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была неприступна эта позиція съ фронта, однакоже рускіе отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ; укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили въ русскихъ, какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею; но наши войска ничего не считали невозможнымъ. Одушевленные присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы,

Суворовъ на С.-Готардѣ.

Съ рисунка Шарлеманя.

облитыя кровью,—и снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однако Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился, во что бы то ни стало, выбить непріятеля изъ его сильной позиціи. Время было дорогое, и день уже склонялся къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра Сентъ-Готарда. Солдаты наши, непривычныя къ горамъ, съ неимоверными усиліями карабкались

со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные швейцарскіе охотники никогда не ступали на эти недостигаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною, вершина какъ будто росла все выше предъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ вида. Было уже 4 часа пополудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на Сенъ-Готардъ. Въ то же самое время и князь Багратионъ появился, наконецъ, на снѣжной вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, никакъ не ждавшіе нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпенталь. Русскіе заняли Сенъ-Готардъ. Утомленные до изнеможенія войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подѣхалъ къ Госпису. Здѣсь у входа его встрѣтили монахи. Настоятель, 70-лѣтній старикъ, пригласилъ его войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный ужинъ. „Нѣтъ, святой отецъ,—сказалъ Суворовъ,—какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу: отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ за трапезу“.

Труденъ былъ и спускъ нашихъ войскъ по сѣверному склону Сенъ-Готарда, гдѣ ихъ у Госпенталья ожидали отступившіе отъ Айроло французы. Начатый уже штурмъ ихъ позицій стоилъ бы намъ большихъ потерь, если бы въ ихъ тылу не появился Розенбергъ, заставившій непріятелей отступить снова.

Третій моментъ встрѣчи съ французами былъ еще труднѣе. Дорога отъ Госпенталья преграждалась громадными утесами, отвѣсно упиравшимися въ горную стремительную рѣку Рейсу. Сквозь эти утесы было пробито къ ней отверстіе,—небольшой тоннель, едва достаточный для прохода лошади съ вьюкомъ. По выходѣ отсюда дорога узкою лентою, огибала гору и шла къ небольшому и страшному мосту, не даромъ названному *Чортовымъ мостомъ*. Отвѣсные утесы, сближаясь между собою, спираютъ здѣсь рѣку въ величественный водопадъ, надъ бездною котораго была перекинута смѣлая каменная арка моста.

По усиленномъ натискѣ нашихъ французы были опрокинуты, и наши богатыри гнали ихъ, по этому темному пути, до выхода къ Чортову мосту, съ котораго встрѣтили ждавшіе насъ французы изъ пушекъ картечью, а съ горъ изъ ружей пулями. Суворовцы кинулись къ мосту, но онъ былъ разрушенъ почти вовсе, его арка была взорвана порохомъ. Русскіе офицеры, бывшіе постоянно впереди,

велѣли изъ сосѣдняго сарая натаскать бревенъ и перевязали ихъ своими шарфами и стали по этимъ зыбкимъ перекладинамъ, на высотѣ 10 сажень надъ стремительнымъ горнымъ потокомъ, переводить, подъ непріятельскими выстрѣлами, черезъ разрушенную арку

Чортовъ мостъ ¹⁾.

моста свои команды.

Многіе обрывались и исчезали въ безднѣ, но и въ дыму, подернувшимъ все ущелье и ребра горъ, русскіе, молча, но безостановочно, шли впередъ, отвоевывая каждый шагъ у стойкаго, занимавшаго высоты врага. Появленіе обходныхъ колоннъ заставило французовъ уйти и отсюда. Смотря на отвѣсныя скалы, поднимающіяся здѣсь, изумляешься, какъ могли взобраться туда русскіе люди, привыкшіе только къ ровному полю своихъ степей, луговъ и равнинъ.

Наполнивъ такимъ образомъ долину Рейсы сплошнымъ штурмомъ, Суворовъ 15 сентября достигъ Альтдорфа и

только здѣсь съ ужасомъ увидѣлъ, наконецъ, куда завели его коварные союзники-австрійцы... Дороги на Швицъ въ обходъ Люцернскаго озера не было: флотилія на немъ была въ рукахъ французовъ. Для выручки Корсакова оставалось одно: подняться на неприступный Роштокъ, спуститься съ него въ долину Мутенъ и уже отсюда выйти на Швицъ.

¹⁾ Выше — нынѣшній Чортовъ мостъ, ниже нарисованъ уже не существующій Суворовскій; небольшимъ бѣлымъ четырехугольникомъ обозначенъ туннель, ведущій къ мосту.

Двѣ тропинки вели чрезъ высоты Роштока, но онѣ были доступны лишь горнымъ оленямъ. Увѣренный, однако, въ томъ, что „гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ русскій солдатъ“, Суворовъ рѣшился вести свою 16-тысячную армію по одной изъ этихъ тропинокъ. Семидесятилѣтній старикъ, истерзанный огорченіями, истомленный въ борьбѣ съ австрійскими интригами, съ изумительной нечеловѣческой силой, выносилъ физическія невзгоды и въ эти критическія минуты сохранилъ исполинскую, несокрушимую силу духа.

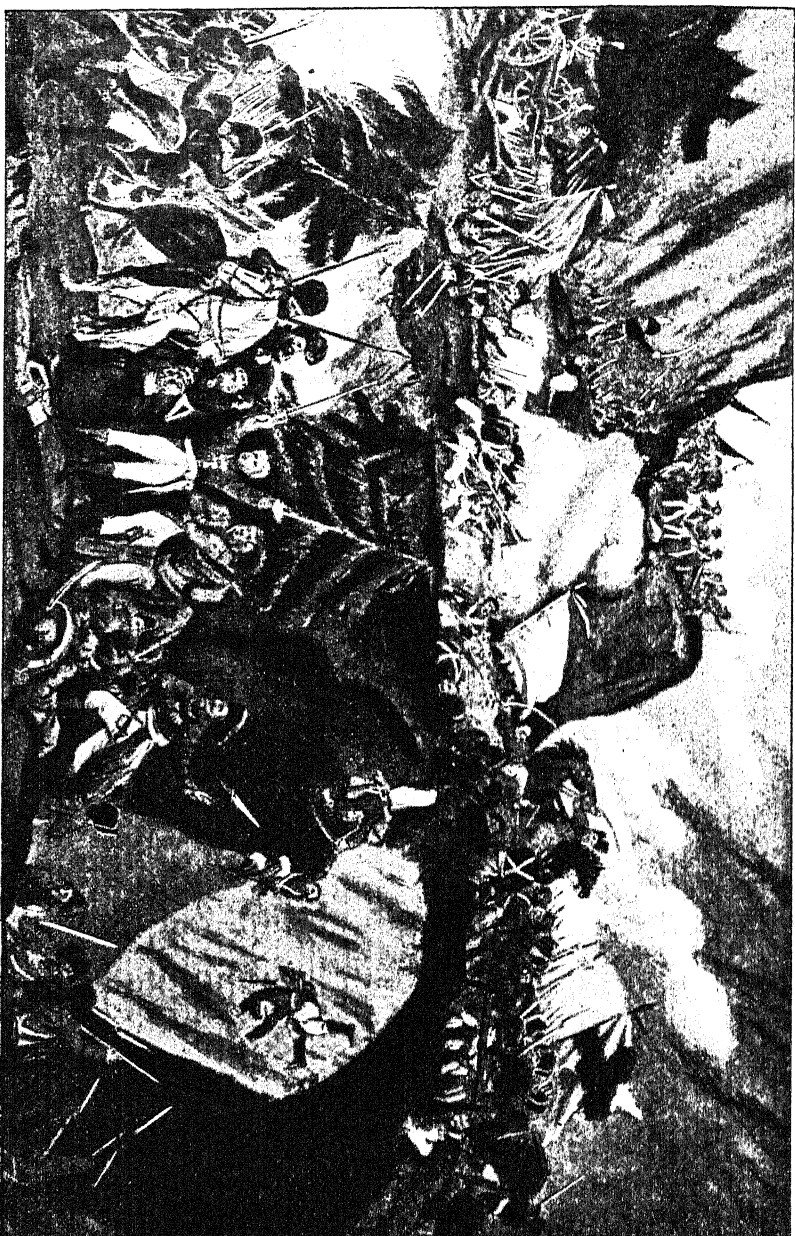
Переходъ черезъ Роштокъ былъ ужасенъ. Ни одной арміи не случалось еще переходить по такимъ стремнинамъ. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни. Облака, проносясь по скатамъ, охватывали русскія колонны густымъ туманомъ и обдавали водою ихъ и самого старика Суворова, который ѣхалъ на казачьей лошади, въ легонькой шинели, которую онъ называлъ „родительской“. Страшный слѣдъ нашей арміи обозначался множествомъ мертвыхъ тѣлъ, разбросанныхъ по всему скорбному пути ¹⁾.

Чтобы пройти здѣсь разстояніе въ 20 верстъ, пришлось употребить цѣлыхъ два дня. Не легче былъ и спускъ съ Роштока: русскимъ приходилось скатываться съ горныхъ высотъ. Только 18 октября войска стали вступать въ Мутенскую долину, и до Швица оставалось 15 верстъ, какъ получена была страшная, роковая вѣсть, что корпусъ Римскаго - Корсакова, покинутый предательски австрійцами, былъ разбитъ французами подъ начальствомъ Массены, и этотъ талантливый полководецъ сосредоточилъ свою армію у Швица, чтобы запереть рус-

Тропа чрезъ Роштокъ.

¹⁾ Аннибалъ перешелъ Альпы въ войнѣ съ Римомъ, и Наполеонъ переправлялъ черезъ нихъ черезъ годъ послѣ Суворова. Но ихъ подвиги неравны съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ русскаго вождя. Ихъ переходу не препятствовали вооруженные враги. Но Суворовъ, побѣждая природу, покупалъ каждый шагъ своей кровью своихъ сподвижниковъ, прокладывалъ дорогу мечомъ и боролся въ то же время съ кознями коварныхъ союзниковъ, т.-е. преодолевалъ такія трудности, которыя невыносимы даже въ войнѣ обыкновенной.

Витва у Чорткова моста, 14 сентября 1799 года.

Со старинной французской гравюры.

У Чортова моста. Съ картины *Коцебу*.

Изъ галлерей Зимняго дворца.

скихъ въ долины, и уже обѣщалъ привести въ Цюрихъ Суворова живымъ или мертвымъ. Со временъ Святослава русскіе не попадали въ такое безвыходно-трагическое положеніе. Суворовъ предчувствовалъ его, когда за два мѣсяца до роковыхъ дней писалъ: „Меня выгнали (изъ Италіи) въ Швейцарію, чтобы тамъ истребить“, и до

Битва на Альпійскихъ высотахъ.

самой смерти своей, даже въ бреду предсмертномъ, вспоминалъ о пережитыхъ здѣсь невѣроятно страшныхъ минутахъ.

Оба выхода изъ Мутенской долины заперты французами; дороги къ Швицу—войсками Массены, путь на Гларисъ—отрядами генерала Молитора, откуда австрійцы, обязанные ждать Суворова, также самовольно и коварно отступили съ первымъ появленіемъ французовъ.

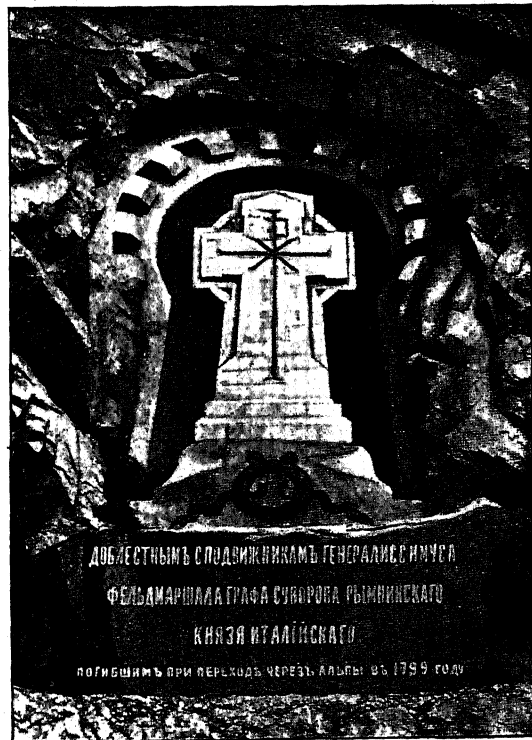
Измученному и битвами и невѣроятными трудностями горнаго похода, русскому войску, которое шло въ избитой обуви и въ оборванной одеждѣ, предстояло или отступать назадъ или сдѣлать крайне критическую, безнадежную попытку пробиться чрезъ непріятельскія войска.

Въ этотъ ужасный моментъ Суворовъ созвалъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ въ небольшомъ францисканскомъ монастырѣ. Онъ явился сюда въ полной фельдмаршальской формѣ съ орденами.

Онъ говорилъ, что со временъ дѣла на Прутѣ русскія войска никогда не находились въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ нынѣ: „Мы среди горъ окружены непріателемъ, превосходнымъ въ силахъ. Войско безъ провіанта, безъ обуви, почти безъ боевыхъ припасовъ,—говорилъ съ возрастающимъ волненіемъ великій старецъ.—Что предпринять? Помощи ждать неоткуда. Надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ

этомъ и спасеніе. Въ жизнь свою я никогда не отступалъ,—говорилъ Суворовъ, указывая на свою сѣдую голову.—Спасите честь моихъ сѣдинъ. Спасите честь Россіи и сына ея государя!“ при этомъ онъ указалъ на неразлучнаго спутника въ этомъ походѣ великаго князя Константина Павловича и, заливаясь слезами, упалъ къ его ногамъ. Всѣ, потрясенные до послѣднихъ глубинъ души, бросились, чтобы поднять своего въ невыразимомъ горѣ упавшаго вождя, но великій князь уже поднялъ фельдмаршала и весь въ слезахъ обнималъ и цѣловалъ его.

Когда волненіе нѣсколько улеглось, взоры всѣхъ, въ ожиданіи отвѣта, обратились на старшаго изъ сподвижниковъ генерала Дерфельдена, и онъ заговорилъ: „Теперь всѣ знаютъ, какой трудный подвигъ предстоитъ намъ впереди, но и онъ, Суворовъ, знаетъ, какъ преданы ему войска и съ какимъ величайшимъ самоотверженіемъ его любятъ. Войска вынесутъ все, не посрамятъ его сѣдинъ и русскаго имени, и если не суждено имъ одолѣть враговъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ лягутъ со славой“... Охваченные великимъ движеніемъ русскаго духа, присутствующіе застучали саблями и поклялись, что готовы на все. Воспрянувшій душою Суворовъ сказалъ: „Да, мы—русскіе... Съ помощью Божіей мы все одолѣемъ, разобьемъ врага; побѣда надъ нимъ — побѣда надъ коварствомъ“, и сталъ тотчасъ отдавать приказы: Багратиону биться съ Молиторомъ у выхода изъ Глариса, а на противоположномъ концѣ долины Розенбергу отбивать атаки Массены, затѣмъ гнать его къ Швицу.

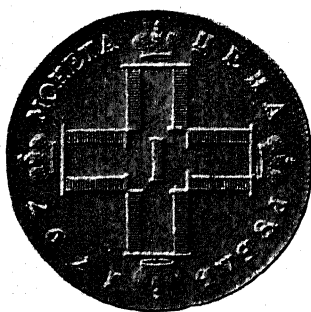
Памятникъ русскимъ воинамъ у Чортова моста.

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.

Суворовъ двинулся на высоты Паниксера, представлявшія еще большія трудности, чѣмъ Роштокъ. На этотъ разъ ко всѣмъ прежнимъ тяжкимъ условіямъ упорнаго боя съ французами соединяются еще стужи и снѣгъ, особенно чувствительныя при изношенной одеждѣ и уже совсѣмъ избитой обуви. Промокшіе люди вязли то въ грязи, то въ снѣгу, и при невѣрномъ шагѣ срывались въ пропасти. Туманъ, непроницаемой мглой залегшій въ высяхъ, скрывалъ тропинку. Опять пришлось отчаянно биться съ французами. Особенно ужасною была ночь на Сергіевъ день, 25 сентя-

бря. Она казалась безконечною, для многихъ же была послѣднею. Но 26 сентября Суворовъ вышелъ въ долину Рейна и на Покровъ, 1 октября, далъ отдыхъ войскамъ уже въ лагерь.

Монета Императора Павла I.

PAUL I.
Empereur de toutes les Russies.
Couronné à Moscou le 3 avril 1797.

Такъ окончилась 17-дневная эпопея Альпійскаго похода Суворова. Австрійцы, предавшіе русскихъ, подчеркивали, что побѣды Суворова въ Швейцаріи были его отступленіемъ. Но ничто, никакая ложь не можетъ затмить несравненной славы этого невѣроятнаго, единственнаго въ исторіи похода, въ которомъ русскій геній Суворова и несокрушимое величіе нашего войска восторжествовали надъ полнѣйшимъ отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ и надъ всѣми, казалось, неодолимыми трудностями.

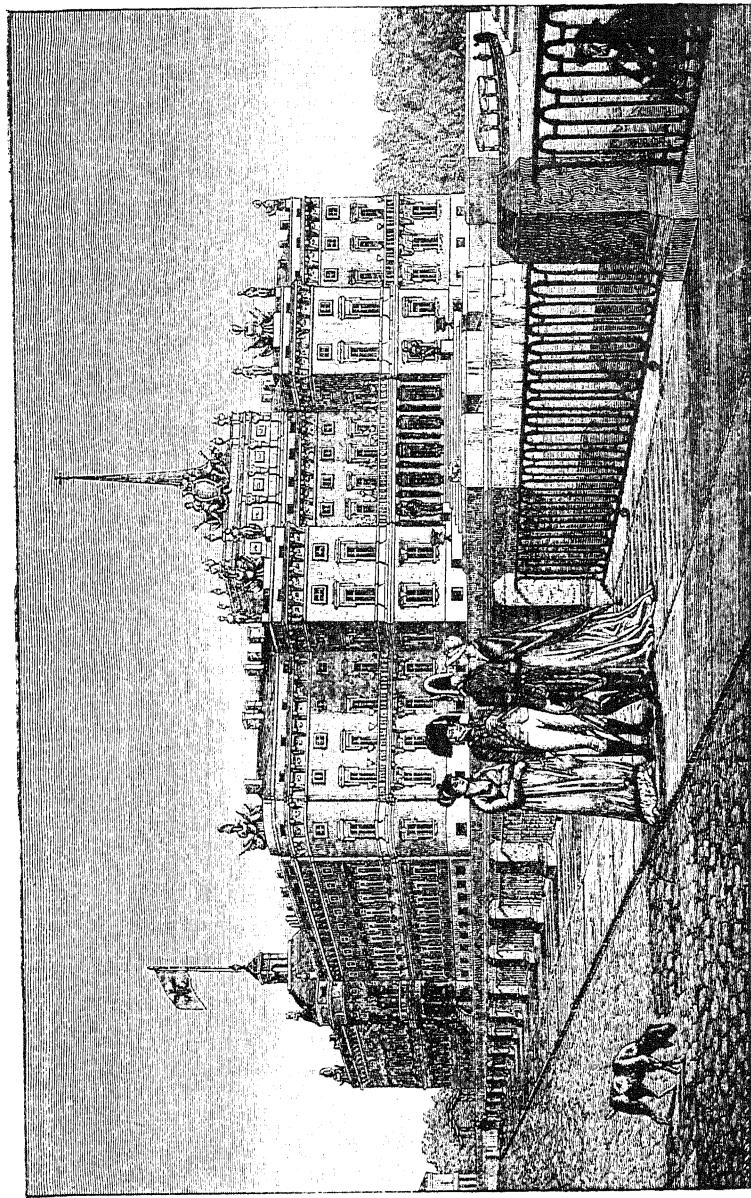
Самъ противникъ Суворова Массена, много разъ прославившій себя побѣдами, говорилъ, что отдалъ бы ихъ всѣ за одинъ походъ русскаго вождя по Швейцаріи.

Русскій царь открыто высказалъ благороднѣйшее изумленіе предъ величіемъ совершеннаго его подданнымъ подвига. „Недоставало вамъ одного,—писалъ императоръ Павелъ Петровичъ Суворову,—преодолѣть и самую природу, но вы и надъ нею одержали верхъ“. И, давая фельдмаршалу званіе генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ, онъ говорилъ въ своемъ рескриптѣ: „Ставя васъ на высокую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ“.

Окончивъ свой походъ, Суворовъ въ правѣ былъ сказать: „Альпійскія горы за нами, Богъ передъ нами. Ура! Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ“.

Всѣ эти русскіе подвиги такъ подѣйствовали на воображеніе народовъ, что Суворовъ сразу сталъ во всѣхъ странахъ Европы легендарнымъ, мифологическимъ героемъ, котораго рисовали въ несоотвѣствующихъ дѣйствительности чертахъ. Такъ, напр., западно - европейскія иллюстраціи малорослаго и тщедушнаго Александра Васильевича изображали великаномъ по росту и атлетомъ по тѣлосложенію. Горцы же Швейцаріи, находясь подъ обаяніемъ его сказочныхъ подвиговъ, много лѣтъ послѣ его смерти рассказывали, что на неприступныхъ высотахъ Сень-Готарда и въ ущельяхъ Рейсы все появляется его тѣнь: сѣдой старикъ на сѣрой лошади объѣзжаетъ мѣсто своихъ битвъ и своими огненными глазами осматриваетъ утесы, обогранные русскою кровью...

Предательство Австріи и преступное отношеніе къ Россіи Англіи, которая гнусно относилась къ нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Голландіи противъ французовъ, и морила ихъ голодомъ, когда они зимовали въ англійскихъ владѣніяхъ, вызывали крайнее, неудержимое негодованіе императора Павла на вѣроломныхъ союзниковъ, низко завидовавшихъ русской славѣ и трусливо боявшихся ея дальнѣй-

Михайловскій замокъ Павла I въ Петербургѣ.

шаго развитія. Между тѣмъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ во Франціи Наполеонъ, клонившій ее къ возстановленію въ ней монархіи, совсѣмъ иначе относился къ Россіи и къ взятымъ въ плѣнъ Массеной русскимъ: онъ обмундировалъ ихъ на французскій счетъ и, возвративъ имъ оружіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, не требуя никакого вознагражденія, отправилъ въ Россію. Это глубоко тронуло русскаго императора, сблизило его съ Франціей и подготавливало его войну съ недавними союзниками. Союзъ нашъ съ ними былъ, по волѣ государя, прерванъ, русскіе послы были отозваны изъ ихъ столицъ. Уже двинуты были Павломъ I донскіе казаки подъ начальствомъ ихъ атамана Орлова изъ Оренбурга въ среднюю Азію, чрезъ Хиву и Бухару, чтобы итти на Индію. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Англіи былъ возобновленъ вооруженный нейтралитетъ Даніи, Швеции и Пруссіи. Атаману войска донскаго генералу отъ кавалеріи Орлову отъ 12 января данъ былъ слѣдующій краткій рескриптъ:

„Англичане готовятъ нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я готовъ принять ихъ, но нужно ихъ самихъ атаковать тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе. Заведенія ихъ въ Индіи—самое лучшее для сего мѣсто...

Павелъ“.

Въ другомъ рескриптѣ относительно похода на Индію онъ говоритъ: „Цѣль—все сіе разорить и угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и ласкою привести зависимость отъ Россіи, въ ту же, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ“. Ожидался новый, непредвидѣнный поворотъ исторіи...

Послѣ чрезмѣрныхъ напряженій жизнь Суворова стала медленно потухать въ великомъ старцѣ. Болѣвшій на возвратномъ пути въ Россію, Суворовъ окончательно слегъ въ постель въ Петербургѣ. Онъ, какъ православный христіанинъ, спокойно готовился къ смерти: исповѣдался, причастился св. таинъ и прощался съ окружающими. Душа его все чаще обращалась къ Богу. „Долго,—говорилъ онъ,—гонялся я за славой, но все—мечта: покой души—у престола Всевышняго“.

Временами онъ терялъ сознаніе и въ бреду говорилъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Швейцаріи. Наступила агонія, и бредъ стихъ. Во второмъ часу дня 6 мая 1800 года великаго русскаго полководца не стало. Чрезъ 6 дней онъ былъ торжественно похороненъ въ одномъ изъ храмовъ Александро-Невской лавры и на полу, на плитѣ, закрывшей его могилу, по его приказанію, сдѣлана была краткая надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

П а в е л ь I.
Съ гравюры 1798 года.

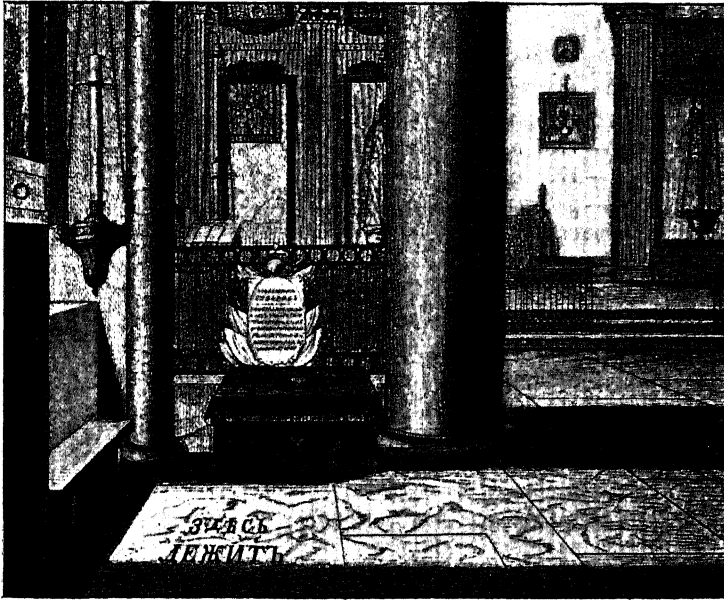
МАРИЯ ФЕОДОРОВНА
Императрица Все
росейская.

MARIA FEODOROVNA
Impératrice de toutes
les Russes.

Недолго послѣ этого прожилъ и самъ императоръ Павелъ, возбудившій противъ себя ненависть англичанъ...

Послѣдовавшая 11 марта скоропостижная смерть императора Павла I остановила его предпріятія, а восшедшій на престолъ сынъ его Александръ Павловичъ спѣшно возвратилъ съ похода въ Индію нашихъ казаковъ назадъ...

Могила Суворова въ Александро-Невской лаврѣ.

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ объ императорѣ Павлѣ и походахъ
Суворова.

1. Портреты Павла I:
 - а) — 1797 годъ.
 - б) — 1798 годъ.
 - в) — работы Боровиковскаго.
2. Портретъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.
3. Другіе ея портреты.
4. Монеты императора Павла I.
5. Видъ Гатчинскаго дворца.
6. Михайловскій замокъ въ Петербургѣ.
7. Мальтійскій крестъ и десница Іоанна Крестителя.
8. Парадъ въ Гатчинѣ.
9. Портретъ А. В. Суворова.
10. Наполеонъ — первый консулъ Франціи.
11. Храмъ и домикъ въ селѣ Кончанскомъ.
12. Отъѣздъ Суворова изъ деревни.
13. Битва на рѣкѣ Аддѣ.
14. Суворовъ на Альпахъ.
15. Штурмъ С.-Готарда.
16. Страннопріимный домъ на С.-Готардѣ.
17. Видъ нынѣшняго и прежняго Суворовскаго Чортова моста.
18. Битва у Чортова моста. Съ французской гравюры.
19. То же, съ картины Коцебу.
20. Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на Альпахъ.
21. Могила Суворова въ Невской лаврѣ.
22. Памятникъ ему въ Петербургѣ.